

**ОТ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ПОЛНОТЫ
ПРИ СБОРЕ И ОБРАБОТКЕ МАТЕРИАЛОВ НАРОДНОЙ РЕЧИ
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ УНИКАЛЬНЫХ ФАКТОВ
(к специфике работы над Псковским областным словарем
и Лексическим атласом русских народных говоров)**

Изучение древних текстов и современной живой народной речи давно приучило исследователей быть внимательными к каждому факту и не торопиться трактовать непонятное как нечто случайное или ошибочное при фиксации. Достаточно вспомнить случаи из разных языковых уровней.

Исследования в 60-е годы XX века устойчивых сочетаний слов, тем более фразеологизированных, сначала в древнерусских грамотах XI-XIV веков, а потом и специально в псковских памятниках письменности, в частности такого яркого выражения, как *въсѣсти на конь* в значении 'выступить в военный поход', при полной выборке фактов позволили, например, по Псковским летописям [8] познакомиться со следующим обликом этого древнего фразеологизма: "*чтобы Псковъ... как грамоти свои взмѣтныа положили такъ и на конь всегли*" (Лет. III, Стр., 1477 г., л. 182). В глаза бросается необычное буквенное сочетание *гл*, передающее сочетание согласных звуков [зл]. Первым возникает вопрос, откуда в слове звук [з] при исходном корне с *ѡд*-. С наличием звука [д], отсутствующего по законам восточнославянских языков в глагольных формах с суффиксом [л] см. современные формы прошедшего времени *всел* - *всели*. Необходимо учесть открытие С.М. Глускиной, касающееся наличия в современных псковских говорах звуковых сочетаний [зл], [кл] на месте древних сочетание **dl*, **il*, изменившихся по закону открытого слога при упрощении сочетаний согласных в звук **l* (т.е. наблюдается усечение взрывного элемента **d*, **t*). Затем это открытие повторил А.А. Зализняк [2, с. 40]. Ученые объясняют указанное явление влиянием балтийских языков, где имеются сочетания [gl], [kl] и где не было закона открытого слога, поэтому не наблюдалось упрощения групп согласных. Знакомство с особенностями древнего псковского диалекта, отраженного и в современных говорах (например, *прочкли* 'прочли', деревня *Еглино* 'Елино'), объясняет и летописное *въсѣгли* не как ошибку, а как закономерность, которую фиксировали в древности и местные писцы.

Поддерживают такой факт и многие глагольные формы с корнем *чет*-/ *чит*- в записях немецкого купца Т. Фенне, составившего в 1607 году в Пскове Русско-немецкий разговорник для общения немецких купцов с псковичами; например: "*Тот человѣкъ мнѣ был виноватее да мнѣ запырался; я ёво перѣд судью подзывал да ёво перѣд судью учёл / учкле / утягал, что он мнѣ виновате*" (12, с. 387, п. 1).

С.М. Глушкина значимость указанного факта оценивала в псковских говорах наряду с уникальным свойством псковских говоров - "несвершением" второй палатализации заднеязычных согласных в древних корнях **кmp*- (*кеп* вместо *цеп*), **кмv*- (*кевка* вместо *цевка*), **кmd*- (*кедитъ* вместо *цедитъ*): древний кривичский диалект оказался в изоляции от всей остальной славянской общности, когда древние кривичи, испытав переселение народов из Западной Европы на восток, пройдя через территорию древних балтов и финно-угорских племен, обосновались вокруг псковских водных массивов и потому не пережили некоторых общеславянских фонетических изменений (см. [1, с. 20-23; 13, s. 475-482; 2, с. 37-38]).

Можно продолжать перечисление как будто исключений (ошибок?) из общего в исторических судьбах псковской фонетики или псковской морфологии. К счастью, новые наблюдения при знакомстве с другими материалами, новые наблюдения специфики явлений с учетом многих факторов позволили, например, и А.А. Зализняку создать теорию о древнем псковско-новгородском диалекте, проявившем и сохранившем такие особенности, которые свидетельствуют

именно о проявлении типичных дифференциальных признаков для древних говоров на соответствующей территории [2, особенно с. 36-46].

Накопление теоретических сведений и обоснований необычного облегчает исследователям приоткрывать особенности уникальных псковских говоров в прошлом и настоящем, понимать древние тексты и делать их доступными научной общественности. Известны серьезные аспирантские и студенческие работы; завершенные и продолжающиеся изыскания молодых специалистов; а также труды опытных диалектологов и историков языка, в частности тех, кто занимался и занимается псковскими говорами в связи с работой над "Псковским областным словарем с историческими данными" [9], "Лексическим атласом русских народных говоров" [5], другими атласами в С.-Петербургском университете (Б.А. Ларин, А.И. Лебедева, А.И. Корнев, С.С. Волков, Н.Г. Арзуманова, О.С. Мжельская, Л.А. Ивашко, И.С. Лутовинова, А.С. Герд, М.А. Тарасова, В.И. Трубинский, Д.М. Поцепня, Ю.Ф. Денисенко, О.А. Черепанова, О.И. Фоякова, О.И. Трофимкина, О.В. Васильева, Е.В. Пурицкая, А. Щекин и др.), в Псковском педуниверситете (С.М. Глускина, З.В. Жуковская, И.Т. Гомонов, К.А. Гомонова, Т.А. Пецкая, В.П. Кондратьева, С.Е. Мельников, В.П. Храмцова, Н.Д. Сидоренская, Т.Н. Коверина, Л.Я. Костючук, Н.В. Большакова, В.К. Андреев, Е.В. Ковалых, С.В. Дмитриева, З.В. Побидько, Ю.И. Гарник, Е.А. Магазеева, А.Е. Александрова, Л.А. Лекарева, Е.Г. Мельникова, Ю.В. Кириллов, С.Н. Романенко, М.В. Браим и др.). Историки и археологи тоже прибегают к лингвистическому обоснованию отдельных древних псковских терминов и выражений (И.К. Лабутина, И.О. Колосова, В.В. Седов, публикатор и первый исследователь псковских грамот XIV-XV веков Л.М. Марасинова [6]). Л.Ю. Астахина, один из составителей "Словаря русского языка XI-XVII вв." [10], тонко выясняет связь отдельных древних псковских лексем с лексемами других территорий.

Самым главным является то, что проводится обоснование фрагментов древних текстов в аспекте лексико-семантического и структурно-словообразовательного анализов. Научное объяснение необычного факта делает возможным ввести его в обиход как соответствующий текстовый фрагмент для иллюстрации жизни слова, освещаемой в исторической части Псковского областного словаря.

Так, например, иллюстрации из грамот, опубликованных Л.М. Марасиновой и имеющих много местных, региональных особенностей разных планов, могут быть подтверждением вариантности соответствующих лексем: наше с М.В. Браим исследование свидетельствует, что необходимо рассматривать не слово *Могчило* (в таком плане выражения и как собственное - так это опубликовано, правда с сомнением, самой Л.М. Марасиновой [6, с. 55-56]), а единицу *мочигло* (нарицательное существительное служит названием водоема для вымачивания льна и называет ориентир при определении границ земельного участка). Это слово может стать иллюстрацией в исторической части Псковского областного словаря в качестве варианта к общепсковскому и известному в ряде других говоров *мочило*. Неслучайно о возможности такого вида оформления (плана выражения) номинативной единицы с отражением, оказывается, типичной псковской фонетической черты пишет А.А. Зализняк [2, с. 40].

Ежегодные диалектологические экспедиции за народными словами приносят не только просто интересные слова, которые, с одной стороны, служат ответами на многочисленные вопросы Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров [5], а с другой - смело являются элементами иллюстративных текстов для любого слова на соответствующем алфавитном месте в Псковском областном словаре в современной части, фиксирующей особенности псковских говоров. Наши исследования, знакомство с исследовательскими открытиями снимают опасения, что кто-то может подумать, что допущена опечатка в передаче письменной фиксации слова.

Один пример. Лето 2009 года обнаружило в Локнянском районе морфологическую особенность плана выражения одного падежа. Соблюдение принципа полноты фиксации полевого материала для уникального Псковского областного словаря полного типа заставило собирательницу (студентку третьего курса О. Устинову) ответственно записывать ответы многих информантов Локнянского района, одного из южных на Псковской территории. Потому и был обнаружен в речи

не одного человека (значит, неоднократная фиксация с буйшим основанием исключает случайность) родительный падеж множественного числа от существительных среднего и женского родов такого типа: "*Красну́ха бы́ла у ма́леньких де́тях*"; "*Золоту́ха бу́льшиэ фсе́ [y] де́тях*"; "*Эта бы́ла у ма́их сестре́нках*". Конструкция с предлогом *у* в указанных контекстах, которые типичны для тематического выражения, что *у кого*, какая была болезнь и как она проявлялась (сбор материала летом 2009 года касался темы "Медицина"), не допускает сомнения, что это именно Р.п. мн.ч. Однако наличие окончания *-ax/-'ax* со звуком [x] на первый взгляд кажется необъяснимым, напоминая предложный (местный) падеж мн.ч. Поддерживает такое звучание (оформление формы Р.п. мн.ч.) обычное использование при субстантивной форме (существительном) прилагательного типа *маленьких* с окончанием *-их*, включающим звук [x] и являющимся омонимичным для Р.п. и М.п. мн.ч. (само по себе окончание *-их* у прилагательного не служит исключительно одному падежу). Подчеркну, что весь контекст и предлог *у* ясно указывают на Р.п.

Учет данных псковских памятников поддерживает такое решение: памятники обнаруживают подобное. Так, в псковской данной грамоте монастырям XIV-XV вв. при подробном описании границ земельных участков ("от - до") находим: "*Ободь* ['граница участка'] *тое земли...от города от Затворех святых ворот до осеку до коленец*" [6, с. 65]. *Ободь* - это граница земельного участка, определяемая обычно по межам [6, с. 185]; в указанном документе она начинает определяться "*от города*" (это часть укрепленной территории [ср. 10, в. 4, с. 90]), с уточнением "*от Затворех святых ворот*" (видимо, это приспособление для запираания входа-выхода в укреплении [ср. 10, в. 5, с. 314; 9, в. 12, с. 170]).

Итак, как расценить такую форму Р.п.? Обратимся к исследованиям морфологии славянских языков. Подробное описание восточнославянских языков представлено в работе В. Курашкевича [14, с. 77-122].

3. Штибер, как и многие другие историки славянских языков, отмечает, что форма М.п. на *-ьхъ (-ехъ)* становится нормой в чешском (западнославянском) языке с учетом изменяющегося гласного в окончании [15, с. 114, 131]. По закону аналогии такое окончание проникает в восточнославянских языках и в Р.п. мн.ч. как *-ох*, в частности и в слова женского рода, особенно при поддержке согласующегося с существительным прилагательного, содержащего в окончании звук [x] [15, с. 135].

Болгарский исследователь И. Леков пишет о полиморфизме (наличии вариантных окончаний) ряда падежей, в частности и Р.п. мн.ч., где может проявляться и форма окончания со звуком [x], как и в М.п. [11, с. 40].

П.С. Кузнецов отмечает, что элемент **ch* был первоначальным показателем мн.ч., а затем М.п. [3, с. 66], но взаимодействие, прежде всего аналогическое, М. и Р. п. было, о чем свидетельствуют и соответствующие формы в Р. и М. п. с пояснением звука **ь* в звук **e* (под влиянием основ на **ǫ*, а первоначально на окончание воздействовали слова **i*-основы. И, как рассматривают некоторые польские ученые, аналогия позволила Р.п. и М.п. сблизиться. Может быть, этому способствовало и употребление предлога *у* вместо предлога *в* в определенных говорах (это фонетическое звучание). Ср. абстрактное, без контекста, словосочетание *у псковских людях / людех*: при наличии звучания [y] в предлоге без более полного контекста непонятно, речь идет о М.п. (где *у = в*) или о Р.п., где есть собственно предлог *у*. П.С. Кузнецов считает, что роль играет и послелог [3, с. 50].

В любом случае изредка встречающиеся формы с *-ax* (ранее *-ex*) в Р.п. мн.ч. рассматриваются как результат поддержки белорусским, западнотславянскими языками и взаимодействием разных падежей при наличии поддерживающих элементов в конструкциях (прилагательное со звуком [x] в окончании; иногда омонимичные предлоги).

Таким образом, редкие и как будто мало понятные современные падежные формы нельзя "выбраковывать" как ошибочные - необходимо стремиться понять их суть на фоне исторических процессов и использовать для сближения аналогичных фактов в псковских памятниках письменности как местные, попавшие в письменную фиксацию по причине того, что псковский писец, помимо прекрасной выучки, владел родным произношением и не был иногда свободен от влияния языка своего окружения.

Все это помогает выяснять условия формирования норм национального языка конца XVII века и других веков, а также адекватнее понимать содержание письменных памятников (см. [4; 7]).

Литература

1. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Вып. II. Псков, 1968. С. 20-23.
2. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995; М., 2004.
3. Кузнецов П.С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
4. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X - середина XVIII в.). М., 1975; М., 2006.
5. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб., 2004.
6. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV-XV веков. М., 1966.
7. Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.
8. Псковские летописи. Вып. 1 / Подгот. к печати А. Насонов. М.-Л., 1941; М., 2003; Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955; М., 2003.
9. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-20... Л. (СПб.), 1987-2009...
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28... М., 1975-2008...
11. Леков И. Общност и многообразие в граматическия строй на славянските езици. София, 1958.
12. Fenne's T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.
13. Głuskińska Z. O drugiej palatalizacji tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich // *Slavia Orientalis*. XV. 1966, № 4. Warszawa, 1966. S. 475-482.
14. Kuraszkiewicz W. Języki wschodnio-słowiańskie // *Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich*. Warszawa, 1954. S. 77-122.
15. Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 1979.